

РЕЛИГИОЗНАЯ ЖИЗНЬ КАК ФОРМА НАЦИОНАЛЬНОЙ САМООРГАНИЗАЦИИ ЕВРЕЙСКИХ ОБЩИН ЗАПАДНОЙ СИБИРИ В СЕРЕДИНЕ XIX — НАЧАЛЕ XX в.¹

Ю.М. Гончаров

Статья посвящена изучению религиозной жизни евреев Западной Сибири во второй половине XIX — начале XX в. Цель работы — рассмотреть формирование религиозных общин евреев как главного фактора самоорганизации еврейских общин и сохранения национально-религиозной идентичности. Показаны процесс образования религиозных общин евреев, возникновения синагог в городах региона, специфика религиозной жизни евреев на отдаленной окраине Российской империи.

Евреи, Сибирь, община, иудаизм, синагога, молитвенный дом, религиозная жизнь.

Сложные национальные и этнокультурные проблемы наших дней заставляют все более внимательно относиться к историческому опыту межнациональных отношений. Особый интерес с этой точки зрения представляет история сибирских евреев — народа, обладавшего богатейшим опытом жизни в диаспоре, оказавшегося в районе фронта многонациональной империи. Сибирь является особым регионом России, с огромной территорией, с одной стороны — районом интенсивной колонизации, местом ссылки и каторги — с другой. На протяжении всей своей истории она представляла собой область интенсивных этнокультурных контактов, многонациональный край, население которого отражало многообразие этнического состава, культур и религий России.

Сведения о различных аспектах жизни сибирских евреев содержатся в значительном круге источников: законодательных актах, статистических материалах, мемуарах, письмах, записках путешественников, периодической печати, делопроизводственной документации, историко-этнографических описаниях.

Жизнь в Сибири, вне черты оседлости, в иноэтничном окружении, ставила перед евреями задачи приспособиться к местным условиям, интегрироваться в сибирское общество, воспринять иной уклад жизни. В то же время для евреев, как диаспорального народа, всегда актуальна была задача сохранить собственную идентичность. В этом плане именно общинная жизнь, прежде всего ее религиозная сторона, была одним из главных факторов национальной самоорганизации.

Как отмечает Н.Б. Галахова, четкого определения понятия «еврейская община» не существует. Его можно трактовать и как религиозное сообщество единоверцев, и как этническое сообщество [Галахова, 2006, с. 151]. В случае с сибирскими евреями, проживавшими в черте оседлости, эти понятия совпадали. По мнению Л.В. Кальминой, о существовании еврейской общины можно судить по двум основным признакам. Во-первых, это наличие устойчивой этнической общности, постоянно проживающей в том или ином селении. Во-вторых, о зарождении общины можно говорить с того момента, когда к потребности выжить и обосноваться прибавляется потребность национального самосохранения [Кальмина, 2002, с. 8].

Важнейшим стимулом объединения евреев служила религия, способствовавшая укреплению национального самосознания и сохранению национальной самобытности. Первые еврейские общины Западной Сибири в начале XIX в. были настолько малочисленны, что для общественной молитвы, как правило, не набиралось требуемых еврейским законом десяти мужчин. Поэтому первые молитвенные дома открылись в большинстве сибирских городов лишь во второй половине XIX столетия. Однако уже первой половине XIX в. в регионе появляются первые общины (в Тобольске, Каинске и Томске), и по источникам можно отметить первые признаки общинной жизни. В 1827 г. наиболее крупные общины были в Каинске (327 чел.), Тобольске

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта РГНФ «Еврейские общины в российской провинции во второй половине XIX — начале XX в.», проект № 10-01-60102а/Г.

Религиозная жизнь как форма национальной самоорганизации еврейских общин...

(128 чел.) и Томске (69 чел.). В Тюмени проживало 17 евреев, в Ялуторовске — 1. В Западной Сибири в целом насчитывалось 607 евреев [Ивонин, 1995, с. 41].

В Тобольске уже в 1813 г. существовало организованное погребальное братство (хевре-кадиша), имевшее книгу записей (пинкос). В 1818 г. местная община перестроила дом, купленный у одного подполковника, в молельню [Островский, 1911, с. 7–9]. В памятной книжке Тобольской губернии на 1860 г. указывалось на наличие в городе синагоги [Памятная книжка..., 1860, с. 135–136]. Молитвенная школа в начале XIX в. существовала и в Каинске. По утверждению Ю. Гессена, «каинские евреи, в числе около ста, владевшие в городе 23 домами, из коих некоторые являлись украшением города, построили в 1816 г. “молебную школу” взамен сгоревшей» (цит. по: [Романова, 2000, с. 5–6]).

В Томске в 1837 г. местные евреи обратились к губернатору с просьбой разрешить им устроить «молитвенную школу» в специально приобретенном для этой цели доме по Магистратской улице и утвердить мещанина Нухима Фроймовича, избранного общиной, в должности раввина. Еврейское общество ссылалось на указ 1835 г., по которому разрешалось открывать молитвенные дома в городах, где насчитывается 30 семей евреев. К прошению был приложен регистр (список) с перечислением 35 еврейских семейств и 10 холостых евреев, проживавших в Томске. Однако вследствие того, что в том же 1837 г. были приняты «Правила, заключающие в себе меры против переселения евреев в сибирские губернии...», генерал-губернатор Западной Сибири открыть еврейский молитвенный дом не позволил [Мучник, 1999, с. 59].

Известно, что деревянные синагоги в середине XIX в. существовали также в Омске и Ишиме, где действовали исправляющие должность раввина. В Тобольске с 1861 по 1863 г. обязанности раввина исправлялись резником Менделем Гуриным. Первый «казенный» раввин был избран и утвержден в должности лишь в 1888 г. [Клюева, 2005, с. 44].

Проблема существования религиозных общин в Тобольской губернии заключалась не только в отсутствии синагог и раввинов, но и в низкой численности иудеев в отдельных городах и округах. Эту проблему собирались решать за счет объединения иудеев нескольких населенных пунктов в одну религиозную общину. Например, «рассеянному и малочисленному еврейскому населению» Тюмени, Ялуторовска и Туринска предлагалось «сгруппироваться в религиозном отношении» в Тюмени, где и основать «отдельное религиозное общество или приход, с потребными учреждениями, куда и должны обращаться для исполнения религиозных обрядов» [Там же, с. 43].

Необходимость открытия синагог и выбора раввинов в Сибири обсуждалась на заседании Еврейского комитета еще в середине 1850-х гг., но только спустя десятилетие этот вопрос начинает решаться. В 1867 г. «в видах доставления евреям возможности отправления общественных молитв и богомоления, и совершения религиозных обрядов, а также исполнения требования местных начальств о приводе их к присяге» МВД получило право учреждать молельни и хозяйственные правления вне черты оседлости [Клюева, 2004, с. 17].

Разрешение открыть в городе синагогу томские евреи получили только в 1859 г. Построил ее томский купец 2-й гильдии А.М. Каминер в ограде собственного дома и на собственные средства. Поэтому местные евреи так ее и называли — «каминерской». Через год в звании томского раввина был утвержден «временно проживающий» в городе могилевский мещанин Берка Левин, имевший свидетельство о знании им учения и умении толковать закон. Левин, ставший вскоре томским купцом, был бессменным раввином томской общины вплоть до начала XX в. В 1877 г. в списке купцов г. Томска указывалось, что Берко Израилевич Левин — «раввин молитвенного дома» [ГАТО. Ф. 233. Оп. 5. Д. 177]. В его формулярном списке за 1903 г. было зафиксировано, что за выполнение обязанностей раввина он получал от общины содержание в 300 руб. Дважды он награждался за общественную деятельность: в 1881 г. серебряной медалью «За усердие», в 1895 г. — аналогичной золотой медалью [Мучник, 1999, с. 60].

В Томске недолго действовала одна синагога. Первоначально «каминерскую» синагогу посещали также бывшие и настоящие солдаты из евреев. Однако «особым приветствием» они там не пользовались. После того как однажды их не пустили дальше раздевальни, солдаты приступили к сбору пожертвований на выписку сейфер-торы. В следующем году свиток был приобретен, а осенью 1865 г. был открыт временный солдатский молитвенный дом. В 1872 г. на собранные средства удалось построить постоянное здание для военно-молитвенной школы по ул. Нечаевской. Первым старостой и казначеем был избран офицер местного гарнизона Герцель Янкелевич Цам [Кижнер, 2000, с. 5] (рис. 1). Впоследствии старейшинами и казначеями в

Ю.М. Гончаров

течение 34 лет избирались отставные и служившие солдаты. Лишь по мере того, как солдат становилось все меньше, в старосты стали выбираться и евреи из новососланных [Мучник, 1999, с. 63]. В 1875 г. в Томске действовали 1 каменная и 2 деревянные синагоги [ГАТО. Ф. 234. Оп. 1. Д. 65. Л. 1]. Два молитвенных дома было в 1884 г. в Тобольске [Памятная книжка..., 1884, с. 51].

Рис. 1. Герцель Янкелевич Цам — староста Томской военно-молитвенной школы

Необходимо отметить, что в соответствии с законодательством («Устав духовных дел иностранных исповеданий») не все иудейские религиозные учреждения назывались синагогами. Молитвенную школу (молитвенный дом) разрешалось открывать в населенных пунктах, где число еврейских домов было не менее 30, в тех же случаях, когда это число достигало 80, кроме молитвенного дома позволялось иметь синагогу. Однако четких различий между синагогами, молитвенными школами и молитвенными домами не существовало, да и сами евреи, проживавшие в Сибири и ходатайствовавшие об открытии молитвенного учреждения, не видели в них принципиальной разницы. Поэтому в обыденной жизни, да и в материалах статистики чаще всего все молельни назывались синагогами, в то время как по официальным документам именовались по-разному. Так, например, в Томске было не 3 синагоги, а 1 — Хоральная синагога, 1 молитвенный дом (Каминерская синагога) и 1 военно-молитвенная школа (Солдатская синагога).

В 1902 г. в Томске на месте первой синагоги была построена новая Хоральная синагога, освящение которой состоялось 15 сентября. Она представляла собой большое каменное здание в стиле ретроспективизма начала XX в. Здание было украшено восточного типа стрельчатой аркой, аркатурным поясом и декоративной башенкой. Вся композиция здания завершалась шестиконечной звездой Давида (рис. 2). Помимо основного здания синагоги, во дворе было выстроено здание иешивы, а в 1910 г. — богадельня, которая стала именоваться «Дом призрения для престарелых евреев обоюго пола им. Исаака и Лидии Быховских». В 1907 г. новое двухэтажное деревянное здание на кирпичном фундаменте было выстроено и для военной молитвенной школы (солдатской синагоги) [Кижнер, 2000, с. 6–7].

Наличие в Каинске многочисленной и состоятельной общины предопределило то, что в городе уже в середине XIX в. существовала молитвенная школа. В 1892 г. на Александровской улице появляется двухэтажная деревянная синагога [Гусаченко и др., 1995, с. 23]. В 1895 г. каинские евреи обратились к Томскому губернатору с прошением о постройке в Каинске новой отдельной молитвенной школы «ввиду увеличения в городе еврейского населения и непригодности старого молитвенного дома для столь большого числа посетителей». В последо-

Религиозная жизнь как форма национальной самоорганизации еврейских общин...

вавшей по поводу этого прошения докладной записке каинского окружного исправника сообщалось, что в городе проживает 782 души евреев мужского пола, а существующая молитвенная школа (построенная около 20 лет назад) может вместить 400 чел. [Кутилова и др., 2000, с. 61]. В декабре 1896 г. Томское губернское управление разрешило учредить в Каинске вторую еврейскую молитвенную школу [Там же, с. 17–18].

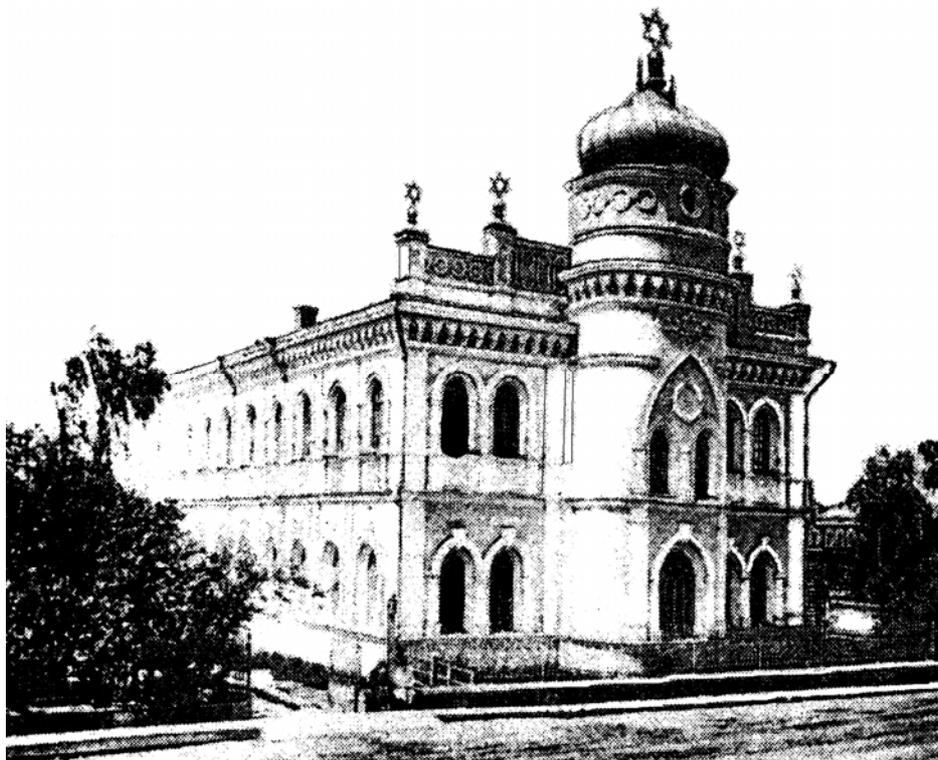

Рис. 2. Томская Хоральная синагога, 1902 г.

Религиозная жизнь общины Мариинска была сосредоточена вокруг синагоги, которая существовала в городе еще с 1870-х гг. В 1889 г. старостой еврейского молитвенного дома был избран купец 2-й гильдии Исая Абрамович Юдалевич, 40 лет, как указывалось в полицейском отчете, — «поведения хорошего, под судом и следствием не состоял» [ГАКО. Ф. 22. Оп. 1. Д. 160]. В начале XX в. эту должность занимал купец Абрам Аксельруд, который в 1903 г. отказался от должности «по расстроенному здоровью». Для выбора нового старосты молитвенного дома все евреи, проживавшие в городе и уезде, приглашались повестками. Выбран был И. Ольховский [Там же. Д. 346]. В «Описании г. Мариинска» 1906 г. указано, что здание молитвенного дома было каменным, в городе действовало также еврейское училище [Там же. Д. 102. Л. 19].

В молитвенном доме постоянно велись метрические книги о записи родившихся, сочетавшихся браком и умерших. Формуляр еврейских метрических книг был близок к формуляру православных, с учетом разницы в обрядах (вместо даты крещения указывалась дата обрезания и т.п.). Книги были двуязычными — записи вносились на русском языке и иврите. Так, например, сообщалось, что 26 января 1898 г. у мариинского купеческого сына Вельямина Рувимовича Будкевича и его жены Эстер-Малке Моисеевны в с. Тисуль родился сын. Обряд обрезания совершил 17 февраля Аксельруд, сын получил имя Моисей [Там же. Ф. 60. Оп. 1. Д. 872. Л. 5 об.]. А 12 февраля 1889 г. потомственный почетный гражданин Лейба Денисович Прейсман, 26 лет, вступил в первый брак с девицею Риве, 19 лет, дочерью мариинского купца Рувима Будкевича. При этом указывалось: «Ксуба дана на 200 золотых, свидетелями были Бер Рабинович и Моисей Шапиро» [Там же. Оп. 4. Д. 2. Л. 55 об.].

В Тобольской губернии, из-за малочисленности еврейской общины (наименьшей из всех сибирских губерний), по правилам мог быть только один раввин. Первым официальным, или «казенным», раввином стал в 1888 г. динабургский мещанин Хаим Аршон. В этом же году все

евреи, проживавшие в губернии, были причислены губернским правлением к ведомству тобольского раввина. Однако значительные расстояния затрудняли исполнение им своих обязанностей. Тем не менее только в 1899 г. губернское начальство назначило двух помощников раввина: в Ялуторовске — аптекаря С. Айзенштадта и в Тюмени — врача Д. Ноторина. Оба при этом согласились выполнять обязанности безвозмездно [Клюева, 2005, с. 44–45].

В конце XIX в. усиливается поток ходатайства об открытии синагог. Этого, в частности, желали добиться жители Тюмени, Ялуторовска и Ишима. Первоначально ходатайства отклонялись под предлогом низкой численности «коренных» жителей.

Так, в 1899 г. в Тюмени насчитывалось всего 3 дома «коренного еврейского населения». Первые попытки открытия синагоги в Тюмени относятся еще к 1880-м гг., когда тюменский купец 1-й гильдии Леонтий Хотимский хлопотал об этом. В 1895 г. тюменцами вновь было возбуждено ходатайство об открытии в городе молитвенного дома, и вновь они получили отказ [Там же, 2005, с. 47–48]. Разрешение тюменским евреям на открытие молельни было дано только в 1905 г. [Козлова-Афанасьева, 2004, с. 86].

Своеобразно развивались дела в Ялуторовске. Хотя официально синагогу здесь было разрешено построить только в 1902 г., предположительно она существовала уже в конце 1870-х гг. В частности, в 1878 г. ялуторовский купец 2-й гильдии Мордух Беркоич просил Тобольского губернатора о разрешении построить в городе молитвенную школу. Причем здание для школы было выстроено еще до подачи прошения. За самоуправство Берковича оштрафовали, здание должно было быть продано или снесено. Но полицейское управление не получило никаких распоряжений на этот счет, и молитвенная школа была открыта в 1882 г. [Клюева, 2005, с. 48].

После изменений в политике правительства, в связи с принятием Манифеста 1905 г. и Указа о веротерпимости 1907 г., в Западной Сибири активизируется строительство новых иудейских богослужебных зданий. В 1909 г. тюменское еврейское молитвенное общество ходатайствовало о возведении в городе новой каменной синагоги, на что и получило разрешение. После постройки новой синагоги в 1912 г. старую закрыли, так как в городе было недостаточно евреев для того, чтобы иметь два богослужебных здания. В 1912 г. в Тобольской губернии синагоги действовали в Тобольске, Тюмени, Таре, Тюкалинске и Ялуторовске [Клюева, 2004, с. 18].

В 1909 г. в Томске, по данным ЦСК, числилось 4 синагоги (на самом деле, конечно, синагога была одна, остальные же имели статус молитвенных школ) и по одной — в Каинске, Мариинске, Новониколаевске, Тобольске, Таре, Тюмени [РГИА. Ф. 1290. Оп. 5. Д. 245, 246]. В 1912 г., по сведениям книги «Город Томск», в городе действовали три синагоги. Их руководителями были: «Томский еврейский раввин Б. Беры. Лица духовного правления: по первому приходу (каменная синагога): староста — А.Я. Дондо, казначей — И.Я. Заиграев, ученый — М.А. Лурия; по второму приходу (каминерская синагога): староста — М.И. Хейсин, казначей — А.Х. Барохович, ученый — Г.И. Дистлер; по третьему приходу (солдатская синагога): староста Г.Я. Цам, казначей Е.В. Альперович, ученый — С.И. Лейбович» [Город Томск, 1912, с. 25]. В отчете губернатора Томской губернии за 1913 г. отмечалось, что в Томске в этот период действовали два молитвенных дома, одна синагога и один раввин; в Мариинске — один молитвенный дом и один раввин. В то же время в остальных городах губернии раввинов не было. В новониколаевской синагоге службу совершал резник, в Каинском молитвенном доме — помощник томского раввина, в Татарске было два молитвенных дома, раввина не было, в Барнауле имелся один молитвенный дом, раввина также не было [ГАТО. Ф. 3. Оп. 77. Д. 399. Л. 68].

Религиозная жизнь евреев в Сибири, в силу специфики местных условий, во многом отличалась от религиозной жизни их единоверцев в черте оседлости. Религиозные традиции на отдаленной окраине страны выполнялись не столь строго — не всегда соблюдалась суббота, не совершались ритуальные омовения, в домашних условиях религиозные обряды исполнялись не в полном объеме. Соблюдение правил кашрута было иногда просто невозможно из-за отсутствия в том или ином населенном пункте резников. Администрация сдерживала рост числа молитвенных домов, являвшихся центрами религиозной жизни. Да и климатические особенности региона не способствовали исполнению некоторых обрядов, например ритуальных омовений в открытых водоемах.

Все это определило меньшую религиозность сибирских евреев. Так, Ю. Островский, посвятивший сибирским евреям специальную книгу, писал в начале XX в.: «Сибирский еврей не набожен: он редко ходит в “молельню”, торгует по субботам, а некоторые — даже и по праздникам, если последние совпадают с базарными днями, постов он также не соблюдает» [1911,

с. 26]. Ю. Мучник также отмечает, что к началу XX в. в большинстве своем сибирские евреи субботы не соблюдали, так же как и другие заповеди. Мало кто из них знал иврит и идиш [Мучник, 1999, с. 58].

Общепринято мнение, что «для Сибири во многом характерна определенная толерантность восприятия друг друга лицами разных конфессий» [Клюева, 2004, с. 17]. Действительно, в городах Сибири бок о бок проживали православные, католики, лютеране, мусульмане, буддисты, иудеи, постоянно взаимодействуя в бытовой, хозяйственной и социокультурной сферах. Полиэтническая среда способствовала выработке религиозной терпимости, и проблема веротерпимости здесь не стояла так остро, как в губерниях Центральной России: «К религиозным обрядам сибиряки равнодушны... В Сибири много раскольников, сектантов и вообще свободных толкователей священного писания. Отношения между различными религиозными течениями терпимые, мирные. Даже к язычникам сибиряки относятся хорошо, за разное верие их не гонят и не презируют» [Петров, 1908, с. 84].

Конфликтных ситуаций на религиозной почве в Сибири практически не было. В архивных документах встречаются только единичные случаи. Так, например, томский купеческий сын Исай Прейсман в конце 1850-х гг. «находился под следствием об обидах, нанесенных священнику Орлову с порицанием православной христианской веры» и в итоге «был осужден с потерей некоторых личных прав к заключению на полтора года в тюрьму» [РГИА. Ф. 1343. Оп. 39. Д. 5973. Л. 5–7].

Проживание среди преобладающего христианского населения не могло не привести к фактам смены вероисповедания. В силу требований законодательства, в некоторых случаях к этому приводило желание вступить в брак. Так, например, мариинский мещанин Алексей (до крещения Янкель) Абрамович Бороодовский в 1913 г. признавался полицмейстеру, что обратился к православию лишь потому, что увлекся русской девушкой и хотел на ней жениться. Однако избранница оказалась замужем, и Бороодовский, не пробыв в православии и нескольких месяцев, принял решение вернуться к иудаизму [Мучник, 1999, с. 73].

Ю. Островский писал, что смешанные браки и переход в христианство наблюдаются среди сибирских евреев весьма редко. Автор объяснял это тем, что такие факты, как смешанные браки, имеют место главным образом среди так называемой интеллигентной, свободомыслящей части еврейства, количество которой в Сибири незначительно [Островский, 1911, с. 47].

Религиозное влияние мариинской еврейской общины привело к тому, что в городе во второй половине XIX — начале XX в. существовала значительная община сектантов-субботников [Гончаров, 2000, с. 29].

Наличие значительной еврейской общины в Каинске также предопределило редкие для иудаизма факты прозелитизма. Так, еще в 1839 г. в Томской духовной консистории рассматривалось дело 17 каинских мещан, называвших себя «субботниками», справлявших Пасху и хоронивших своих родственников по еврейскому обряду, вступавших в браки с евреями и еврейками. Все они не были коренными сибиряками, но попали в Каинск из центра России, до прибытия в Сибирь исповедовали православие. В итоге судебного разбирательства сами «субботники» были сосланы на поселение в отдаленнейшие места Сибири, а их сыновья отданы в кантонисты. Каинская городская полиция предписала местному еврейскому обществу, чтобы «они людей, под именем субботников, исповедующих еврейскую веру, в свои синагоги и молитвенные дома не пускали». Два каинских купца 2-й гильдии, заподозренные в «сворачивании» людей из православия в иудаизм, были допрошены и подвергнуты денежным штрафам. Несколько евреев, позволивших своим детям вступить в браки с «субботниками», сослали в Якутскую область под наблюдение полиции [Мучник, 1999, с. 74].

Таким образом, на рубеже XIX–XX вв. сибирские евреи образовали достаточно специфическую общность, заметно отличаясь по своему образу жизни, экономическому и социальному положению, культурно-психологическому типу от евреев не только черты оседлости, но и всех других территорий Российской империи. Сибирские евреи одевались, говорили, думали иначе, нежели их соплеменники в черте. Местные общины по-иному были связаны с этническим большинством и властными структурами.

Тем не менее ассимиляторские тенденции не стоит преувеличивать. Благодаря тому что общины в сибирских городах были многочисленны и влиятельны, местные евреи во многом сохраняли свои религиозные чувства и национальные особенности. Наибольшие возможности для участия в религиозной жизни имели жители тех городов, где существовали крупные общи-

ны: Тобольска, Омска, Тюмени, Каинска, Томска, Мариинска. В городах с незначительным еврейским населением также предпринимались попытки наладить общинную жизнь.

В конце XIX — начале XX в. евреи успешно интегрировались в сибирское общество и адаптировались к новым условиям, став одним из компонентов сибирского социума, сохранив при этом свою национально-конфессиональную идентичность и сумев не перейти грань между аккультурацией и ассимиляцией. Религиозная жизнь являлась одной из важнейших форм национальной самоорганизации и сохранения национальной идентичности сибирских евреев.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Источники

- ГАКО. Ф. 22. Оп. 1. Д. 102, 160, 346; Ф. 60. Оп. 1. Д. 872. Оп. 4. Д. 2.
ГАТО. Ф. 3. Оп. 77. Д. 399; Ф. 233. Оп. 5. Д. 177; Ф. 234. Оп. 1. Д. 65.
РГИА. Ф. 1290. Оп. 5. Д. 245, 246; Ф. 1343. Оп. 39. Д. 5973.

Литература

- Галахова Н.Б. Евреи в Томской губернии во второй половине XIX — начале XX вв. Красноярск: Краснояр. писатель, 2006. 242 с.
- Гончаров Ю.М. Уездный город Мариинск во второй половине XIX — начале XX в. // Изв. АлтГУ. 2000. № 4. С. 28–32.
- Город Томск. Томск, 1912. 378 с.
- Гусаченко В.Л., Матвеева Л.Л., Тимяшевская Л.В. Каинск исторический. Новосибирск: Наука, 1995. 56 с.
- Ивонин А.Р. Еврейская община в Западной Сибири в первой половине XIX в. // Проблемы административно-государственного регулирования межнациональных отношений в Тюменском регионе. Тобольск, 1995. С. 39–42.
- Кальмина Л.В. Евреи Восточной Сибири: «Духовная территория» (середина XIX в. — 1917 г.). Красноярск: Кларетианум, 2002. 164 с.
- Кижнер Д.М. История возникновения синагог в Томске // Евреи в Сибири. Томск: Изд-во ТГУ, 2000. С. 3–9.
- Клюева В.П. Евреи в Западной Сибири: Политика государства и проблемы адаптации в сибирском обществе (XVII — начало XX в.) // «Приезд и водворение в Сибирь евреям воспрещается...»: Из истории еврейской общины в Тюмени. Тюмень: Тюм. курьер, 2004. С. 5–27.
- Клюева В.П. Религиозная жизнь евреев в Тобольской губернии (середина XIX — начало XX в.): Скандаль и проблемы // Евреи в Сибири и на Дальнем Востоке: История и современность: Материалы VI регион. науч.-практ. конф. Красноярск; Барнаул: Кларетианум, 2005. С. 42–48.
- Козлова-Афанасьева Е.М. Из истории строительства синагоги // «Приезд и водворение в Сибирь евреям воспрещается...»: Из истории еврейской общины в Тюмени. Тюмень: Тюм. курьер, 2004.
- Кутилова Л.А. и др. Еврейские общины Томской губернии (1885–1919 гг.): Хроника общественной и культурной жизни // Евреи в Сибири. Томск: Изд-во ТГУ, 2000. С. 56–130.
- Мучник Ю. Религиозная жизнь сибирских евреев в XIX столетии (по материалам Томской губернии) // Диаспоры. 1999. № 1. С. 58–76.
- Островский Ю. Сибирские евреи. СПб., 1911. 62 с.
- Памятная книжка Тобольской губернии на 1860 г. Тобольск, 1860.
- Памятная книжка Тобольской губернии на 1884 год. Тобольск, 1884. 408 с. 454 с.
- Петров М. Западная Сибирь: Губернии Тобольская и Томская. М., 1908.
- Романова В.В. «Евреям приезд и водворение в Сибирь строжайше воспрещены...»: (Политика государства в отношении евреев Сибири в XIX в.). Хабаровск: Приз, 2000. 52 с.

Барнаул, Алтайский государственный университет
yuriig@yandex.ru

The article is devoted to studying religious life of West Siberian Jews in the second half of XIX — early XX c. The paper is aiming to consider creation of Jewish religious communities as the main factor of self-organization with Jewish communities and preservation of their national and religious identity. The article shows a creation process regarding Jewish religious communities, formation of synagogues in towns of the region, specificity of a religious life with the Jews at the remote outskirts of the Russian Empire.

Jews, Siberia, community, Judaism, synagogue, praying house, religious life.